

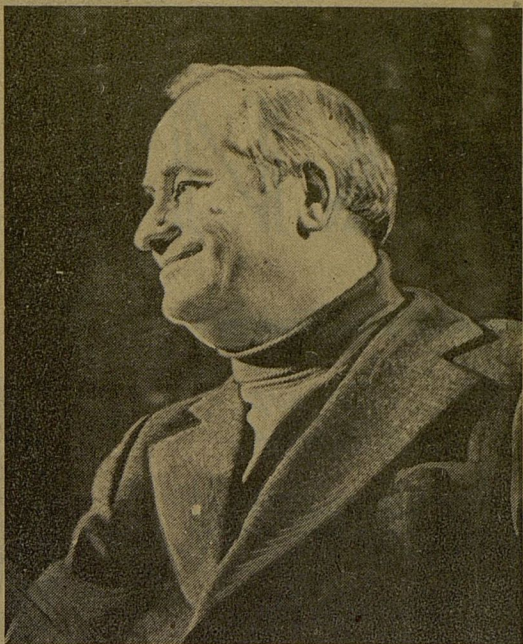
Наш СОБЕСЕДНИК

Народный артист СССР

Георгий Павлович

МЕНГЛЕТ

Представлять Г. П. Менглета, пожалуй, не надо. Появление актера на сцене Театра сатиры, в котором Георгий Павлович трудится без малого 35 лет, на экране телевидения, в радиоспектаклях, передачах «Доброго утра» сделало его имя и творчество не только широко популярными, но по-настоящему любимыми среди миллионов почитателей таланта артиста.

«КАЖДЫЙ ГОД ЖДУ ОСЕНИ...»

— Георгий Павлович, сначала немного о себе.

— Детство мое прошло в старинном русском городе Воронеже, в семье, где никто к искусству никакого отношения не имел. Моей первой тяге к театру предшествовало сильное увлечение цирком. Цирком в нашем дворе «болели» буквально все мои сверстники. Не проходило, кажется, дня, чтобы мы не устраивали веселых клоунад и не представляли перед собиравшимися во дворе соседями. Одно время я даже собирался «всю жизнь» посвятить цирку...

Был один человек, общение с которым сыграло большую роль в моем художественном воспитании. В нашем классе училась девочка Таня Иванова. Ее мама, Мария Сергеевна Иванова, была родной племянницей Станиславского. В доступной форме она знакомила меня, школьника, с принципами знаменитой теории Константина Сергеевича, вводила в мир художественных интересов, в мир эстетики театра.

И когда в нашей школе образовался драматический коллектив, я уже не представлял себя, своего будущего без манящих огней ramпы.

— Георгий Павлович, признайтесь, у театра некоторое время был конкурент...

(Улыбается): — Был... Я играл в футбол за один из клубов Воронежа, и успехи мои в этом виде спорта были настолько явными, что я... заколебался в выборе будущей профессии. До сих пор футбол остается моей страстью, яро болею за ЦСКА, чем немало смущаю своих коллег, в абсолютном большинстве не менее ярых поклонников «Спартак».

— Когда вы сыграли первую в своей жизни роль?

— Шестнадцать лет от роду. Это была роль Чацкого в школьном спектакле «Горе от ума». Чацкий, а также сыгранные вслед за ним профессор Круглосветов в «Плодах просвещения», Осип в «Ревизоре» сделали меня популярным не только в школе. Наши спектакли смотрели профессиональные актеры Воронежа, которые настоятельно советовали мне учиться. Собрался в Москву.

(В гримборной актера висит портрет актера и режиссера А. Д. Дикого. Портрет редкий, нигде, кажется, не опубликованный. Георгий Павлович перехватил мой взгляд).

— Тридцать лет висит здесь этот портрет. Я закончил ГИТИС и... «заболел» Диким. И когда при Союзе писателей СССР возникла литературно-драматическая мастерская под руководством этого гениального мастера, я снова пошел учиться и сыграл там главную роль в спектакле «Леди Макбет Мценского уезда» — приказчика Сергея. Этот спектакль, работа с Алексеем Денисовичем незабываемы. Все, что делаю сегодня, делаю с оглядкой на вероятную оценку Дикого, на его требовательность, принципиальность.

— Первые годы вашей работы в театре совпали с началом Великой Отечественной войны.

— Война прервала мою работу. Мне было поручено создать фронтовой театр, и вскоре мы уехали в действующую армию. Три года выступали в войсках, руководимых Константином Константиновичем Рокоссовским. Тогда, на фронте, мне впервые по-настоящему открылась неразрывная связь искусства с народом, его судьбой. Впервые проявилось высокое гражданское чувство ответственности за свой труд, совершенно иное к нему отношение. Война дала много поводов для этого, но особенно памятен мне случай, происшедший в небольшой белорусской деревеньке. Во время наступления наших войск в этой деревне, сожженной фашистами почти дотла, устроили госпиталь для тяжело раненных. Собственно, госпиталем назывался чудом уцелевший от пожара амбар, в котором на соломе лежали люди, пораженные в основном газовой гангреной. Непрерывно раздавались стоны

бойцов, испытывавших ужасные физические страдания.

— Как же перед ними выступать? — растерянно спросил я у одного из офицеров.

— Так и выступать! Я приказываю! — ответил он.

Мы вошли в амбар и под стоны начали свое представление, которое всегда вызывало дружный хохот зрителей. И... произошло немислимое! Стоны стали стихать, появились улыбки, даже некоторые подобные смеху! Люди словно бы выпрямились, искусанные в кровь губы шептали тихое солдатское «спасибо». А мы... мы были потрясены, многие из нашей группы едва сдерживали рыдания. Потрясены были и врачи. «Уколы не помогали...» — говорили они, недоуменно переглядываясь.

— Как давно вы в Театре сатиры?

— С первого ноября сорок пятого года. Между прочим, моему приходу в этот театр предшествовало забавное недоразумение. Как-то в сорок пятом году позвонил мне Борис Михайлович Филиппов, бывший тогда директором Театра сатиры. «Не хотите ли работать в нашем театре?» — спросил.

Уж не помню почему, но я считал, что Борис Михайлович директорствует в театре оперетты. Поэтому не задумываясь ответил:

— Нет, не хочу.

— Почему?

— Потому что не умею петь и танцевать.

— А у нас и не надо всего этого уметь.

— Что же это за оперетта, в которой не надо уметь петь и танцевать?

— А кто вам сказал, что вас приглашают в оперетту? Я директор Театра сатиры.

— Георгий Павлович, у каждого актера есть в послужном списке роли, ставшие событием в его творческой биографии.

— Для меня это Баян, Победоносиков, Каравай в спектакле «Таблетку под язык», Махонин в «Пене», Корзухин в «Беге». Эти роли подготовлены мною в творческом содружестве с Валентином Николаевичем Плучеком, удивительным режиссером, с которым работаю уже много лет.

— Что стало «звездным часом» актера Менглета?

— Работа в трилогии Маяковского — «Баня», «Клоп», «Мистерия-буфф». Тогда же, как утверждали многие мои друзья, обозначилась-де моя актерская тема.

— Я, признаюсь, не понимаю, что это такое — «актерская тема».

— Я тоже. Хотя встречаюсь с этим словосочетанием едва ли не в каждом очерке об актерах, в каждом интервью с ними. Как вообще можно иметь какую-то тему, если актеру всегда свойственно стремиться к совершенному различному по характеру ролям? Да и не ущербно ли это творчески — ограничивать себя какой-либо одной темой и играть роли, не выходящие за ее пределы? Что до меня, то вот вам сыгранные мной в течение одной лишь недели роли: Шотвер («Дом, где разбиваются сердца»), Каравай, Пишта («Проснись и пой!»), Корзухин и Махонин. Попробуйте определить мою «тему», исходя из этого репертуара. Я лично не могу этого сделать. Знаю одно: любая роль для меня трудна, независимо от того, удалена ли она от меня максимально или, напротив, близка моему психофизическому строю.

— Чем, вы считаете, хороша и волнительна профессия актера?

— Тем, что она таит в себе такие неожиданности, заставляет актера пережить такое душевное смятение и вслед за этим испытать такую творческую радость, которые нельзя испытать и пережить во многих других сферах человеческой деятельности.

— Георгий Павлович, я хотел бы обратиться к созданному вами образу афериста Махонина в спектакле «Пена». Спектакль этот передавался по Центральному телевидению, и многие зрители стали свидетелями вашего

блистательного успеха. Что помогло вам так, а бы сказал, пронзительно точно сыграть этого героя?

— В роли Махонина мне, кажется, удалось максимально использовать придуманную для себя формулу, осуществить принцип подхода к роли: стремиться к субъективной правде отрицательного персонажа. Едва ли следует использовать откровенный гротеск, показывая мерзавца, зло. Его надо облачать в одежды, сшитые по уродливым законам его собственной морали. Этого требовала правда образа. Посмеяться над Махониным — этого было мало. Махонина надо было заклеить, уничтожить.

Некоторое время я был судебным заседателем, и мне доводилось видеть преступников — не жалких, поникших головой, но ярых защитников своих жизненных принципов. Они нисколько не думали о том, что, защищая свое жизненное кредо, сами себя разоблачали, вызвали ненависть к себе честных людей, омерзение, безгильность. Они были страшны, эти люди. Страшны своей убежденностью, своим наглым спокойствием, с которым держались порой на суде, совершенной уверенностью в том, что именно так они должны жить, что именно так и надо жить... Работая над ролью Махонина, я пытался представить его на скамье подсудимых и часто видел его на этой скамье именно таким — спокойным, наглым, хитрым, расчетливым, убежденным и оттого социально опасным. Я пытался собрать псевдодоктора наук Махонина из некоторых увиденных мною в жизни людей. Чутье подсказало мне, что внешне этот человек должен быть обаятельным, добродушным, с мягкими манерами, должен вызывать у впервые встречающихся с ним людей чувство огромной к нему симпатии и доверия. Я не торопился разоблачать Махонина. Жанр подсказывал мне, что «оголеть» этого человека надо в критический для него момент.

— Скажите, круг ваших друзей ограничен лишь служителями муз?

— Ну что вы! Среди моих друзей люди совершенно различных профессий: инженер — котлостроитель, микробиолог, архитектор, хирург, историк, футбольный тренер. Время от времени мы встречаемся, иногда проводим вместе праздники. И возникают разговоры о театре. Я больше слушаю, о чем говорят мои друзья, наблюдаю их. Мне интересны их беседы, потому что каждый из них очень индивидуален в своем отношении к театру, к искусству. Я слушаю их и радуюсь тому, что они глубоко небезразличны к моему труду, к моей профессии.

— Ваши любимые литераторы?

— Федор Абрамов, Василь Быков, Чингиз Айтматов. Последний, мне кажется, может стать великопленным автором в репертуаре «театра одного актера». Именно в репертуаре, а не для обыкновенного чтения на эстраде, потому что его проза, даже авторский текст глубоко драматургичны и философски необыкновенно мудры.

— Любимое время года?

— Каждый год жду начала осени, особо любимого мной времени года. А спросите меня, почему любимого, — и не отвечу вам. Может быть, потому, что осенью всегда начинается театральный сезон?

— Георгий Павлович, вы счастливы?

— Казалось бы, моя судьба сложилась достаточно удачно: работаю в прекрасном театре, с прекрасными коллегами, играю интересные роли... А между тем многие роли, о которых мечтал, прошли мимо. В юности мечтал о Чацком, позже — об Обломове, Тарелкине, Достигаеве. До сих пор не дает мне покоя щедринский Иудушка Головлев. И нет от этого полного ощущения сложившейся судьбы, счастья. Впрочем, какой актер может утверждать, что он до конца счастлив?

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.